

Аурика Меймре (Таллин)
Роман А. В. Чернявского-Черниговского
«Семь лун блаженной Бригитты»
и советское торгпредство в Ревеле

Начало 1920 г. было для молодой Эстонской республики наполнено разного рода событиями, среди которых, в первую очередь, следует выделить мирные переговоры с Советской Россией, кульминацией которых стало подписание 2 февраля так называемого «Тартуского мира». В результате подписания мирного договора Эстония стала первой страной, признавшей большевистскую Россию *de jure*. Наиболее важным результатом договора для Советов было то, что Ревель стал для них «окном в Европу» или же окном «в цивилизованный мир», как в свое время писал Ленин¹. Для большевистской России теперь «открывается возможность начать товарообмен со странами Запада»². Об этом же пишет в своем романе «Семь лун блаженной Бригитты» А. В. Чернявский: «Весь мир, кроме подписавшей Юрьевский мирный договор Эстонии, не признавал тогда большевиков. Все правительства не пускали в свои страны их агентов. Все биржи официально бойкотировали их золото. И вдруг здесь, в малой, дотла разоренной стране — в Ревеле открылось и громко на весь мир хлопало: русское окно. <...> В небольшой и неглубокой ревельской бухте вдруг, точно из межпланетного пространства, упал чудовищный золотой метеорит»³.

Согласно мирному договору в Эстонии должны были обосноваться разные российские миссии, среди которых первой в Ревель

© Aurika Meimre, 2010

© TSQ 34. Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 40. С. 178.

² Там же. С. 111.

³ Чернявский-Черниговский А. Семь лун блаженной Бригитты. Таллин, 1938. С. 75. Далее все цитаты из текста романа и отсылки к нему даются по этому изданию с указанием страницы непосредственно в основном тексте в круглых скобках.

прибыла торговая делегация во главе с И. Э. Гуковским. Сразу после подписания мирного договора министр иностранных дел Эстонии Адо Бирк распорядился подготовить к принятию советской делегации гостиницу «Петроград», номера которой были освобождены от арендаторов, гостей и проч. уже к 10 февраля. Торговая делегация прибыла в Ревель 21 февраля и поселилась в этой гостинице, ставшей для нее как местом проживания, так и работы.

С первых же дней своего нахождения в Ревеле делегация начала подписывать разного рода торговые договоры, согласно которым в Россию посылались требуемые там товары (медицинские, сельскохозяйственные, бытовые и т. д.). За товар платили золотыми рублями или иностранной валютой. Эстония в глазах всего мира превратилась в центр «отмывания» российских финансовых средств: золота, бриллиантов и проч. драгоценностей. Помимо 15 миллионов рублей золотом, поступивших в Эстонию согласно мирному договору (Ст. 12. П. 1.), по разным данным за 1920—1922 гг. через Ревель прошло приблизительно 30 тысяч пудов золота общей стоимостью в 550 миллионов золотых рублей⁴, или, как пишет Чернявский, «Пятьсот миллионов красного дьявола!» (75). По данным британской разведки, к марту 1921 г. через Эстонию было перевезено одного лишь золота на 311,5 миллионов золотых рублей⁵. Какие суммы остались во владении эстонских как государственных, так и частных предприятий и лиц, точно никто не знает, равно как невозможно установить суммы, заработанные сотрудниками советского Торгового представительства в Эстонии во главе с самим И. Э. Гуковским, устроившим в Ревеле этот, по выражению Чернявского, «дьяволов бал» (75).

Одним из свидетелей того времени был общественный и политический деятель А. В. Чернявский⁶, который оказался в Эсто-

⁴ *Normak H. Vene Keisririigi ja SSSR rahandus // Eesti majandus. 1926. No. 10. Lk. 351.* Здесь и далее перевод с эстонского языка на русский — автора настоящей статьи.

⁵ См.: *Valge J. Lahtirakendamine. Eesti Vabariigi majanduse stabiliseerimine. 1918—1924. Tallinn: Rahvusrhiiv, 2003. Lk. 168.*

⁶ Подробнее об А. В. Чернявском см.: *Меймре А. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918—1940: На материале периодической печати. Таллин, 2001. Ее же. Политическая деятельность А. В. Чернявского в Эстонии // Русско-балтийский сборник / Под ред. Б. Равдина и Л. Флейшмана.*

нии еще до Октябрьской революции, в пору, когда был направлен в Ревель помощником присяжного поверенного. Наряду с основной работой он активно сотрудничал в местной периодической печати — и как автор, и как организатор новых изданий. В 1919 г., во время боевых действий Северо-западной армии, Чернявский был на псковском фронте в войсках Булак-Балаховича помощником присяжного поверенного и юрисконсультом штаба армии. Там он продолжил также и свою газетную деятельность. По своему мировоззрению он был ярким антибольшевиком и монархистом, поддерживающим линию вел. кн. Николая Николаевича. Будучи националистом, в нач. 1930-х годов Чернявский примкнул к движению национал-социалистов, т. е. фашистов, усмотрев, подобно многим политическим деятелям русского зарубежья, именно в этом движении последнюю возможность освобождения России от большевистского ига. Эстонию Чернявский покинул осенью 1939 г. Дальнейшая его судьба нам, к сожалению, неизвестна.

В 1938 г. А. Чернявский издал роман «Семь лун блаженной Бригитты»⁷. Несмотря на то, что в авторской преамбуле он сообщал, что «хотел бы написать роман, узорчатый и неожиданный красками, как персидский ковер. Но и столь же, как этот ковер — нереальный» (3), роман у него получился вполне традиционный, исторический, во многом отражающий современную Чернявско-ую действительность Эстонии нач. 1920-х годов.

Центром описываемых событий оказывается город Ревель — с некоторыми его отдельно взятыми локусами, такими, как гостиница «Петроград», ресторан «Мон-Репо», ревельское подземелье, т. е. катакомбы и др. объекты, а равно и «золотые» махинации торгпредства и весь образ жизни советской миссии во главе с самим И. Э. Гуковским, прозванные Г. А. Соломоном «гуковщиной»⁸; а также идея «балаховичей» выкрасть у Советов как

Станфорд, 2004. Кн. 1. С. 57—72.

⁷ Одна часть романа — «Дом семи смертных грехов» — была опубликована уже в 1924 г. в ревельском журн. «Эмигрант».

⁸ Соломон, «ознакомившись с заключенными здесь сделками, лично убедился, что здесь орудовало исключительно заведомое жулье...» (письмо Г. А. Соломона Л. Б. Красину от 2 нояб. 1920 г. — Государственный архив Эстонии. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 522. Л. 45 об). В первые дни своего пребывания в Ревеле Соломон пытался разобраться в системе работы самого Гуковского

можно большее количество золота во благо России освобождаемой.

Художественное время романа Чернявского — февраль-март 1920 года — во многом совпадает со временем реальным. Хотя в действительности период «гуковщины» в Ревеле протянулся несколько дольше, до нач. авг. 1920 г., когда из Москвы в Ревель с ревизией был направлен Г. А. Соломон, подробно описавший все увиденное и пережитое в своих воспоминаниях «Среди красных вождей», впервые изданных в 1930 г. в Париже. Однако пребывание в Ревеле Соломона внесло лишь некоторую сумятицу в разработанную Гуковским систему заключения договоров, и его махинации здесь закончились лишь после его отъезда в конце янв. 1921 г.

Основными центрами художественного пространства в романе служат вполне реальные объекты. Во-первых, уже упомянутая гостиница «Петроград», где до осени 1921 г. располагалась российская торговая миссия, она же и первое посольство. В этой же гостинице некоторое время проживал и ген. Булак-Балахович и многие бывшие бойцы Северо-западной армии ген. Юденича. Соответственно, можно смело заявить, что каждый коридор, а возможно, и большая часть номеров гостиницы были Чернявскому, бывшему поверенному Балаховича, хорошо известны. Была ли ему лично известна обстановка в гостинице во время нахождения там советской миссии, сказать затруднительно, однако, думается, разного рода свидетельств о том, что и как происходило внутри гостиницы, было в ту пору великое множество, не говоря уже о воспоминаниях Соломона, которые Чернявскому явно были хорошо известны (главным тому свидетельством — сам роман «Семь дун блаженной Бригитты»).

С учетом всего этого стоит ли удивляться тому, что Чернявский смог представить состояние гостиницы до и после размещения в ней большевиков: «За эти полтора-два месяца щепетильно

и его ближайших помощников, в уже заключенных договорах, в их правомочности и в том, заключены ли они по разумным ценам. За первые две недели он понял, что большинство дел — «нечистые», или, как он писал Красину, «идут „вонючие“ дела» (письмо Г. А. Соломона Л. Б. Красину от 17 авг. 1920 г. — ГАЭ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед.хр. 522. Л. 132). А в недатированном письме А. М. Лежаве Соломон прямо признается, что ему приходится бороться «не с Гуковским, а с гуковщиной» (ГАЭ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед.хр. 523. Л. 7а).

чистенькая “Петроградская” превратилась в “Вяземскую лавру”» (126). А выглядела эта «вяземская лавра», по словам Чернявского, так: «Я хорошо помню эту массивную с бронзовой ручкою дверь. Эти высокие, спинами добровольцев-часовых отлакированные косяки. Это был вход в личный номер Балаховича <№ 23, где теперь расположился Гуковский. — А. М.>. Но какая перемена! При нас по коридору с утра сдержанно-приглушенно звенели шпоры. Озачинно пробегали подтянутые адъютанты. Церемонно шли представляться атаману шведские и датские офицеры-добровольцы с нерусскими выпушками. <...> Теперь там не было никого. Дверь стояла, грубо задрапированная линиялым красным кумачом. Над входом горела синяя электрическая лампочка» (127).

Однако вряд ли перед глазами Чернявского когда-либо открывалась следующая картина: «Ящики стояли полуоткрытые. Обе выдвигных доски торчали, вытянутые до отказа. Всюду грудями лежала наваленная валюта. Валюта. Валюта. Везде валюта. Царские, думские, советские рубли. Франки. Доллары. Фунты. Эстонские, финские и германские марки. Последние не только бумажные, но даже алюминиевые» (130). В действительности видел все это, и не раз, Г. Соломон: «У Гуковского в кабинете тоже шла деловая жизнь. Вертелись те же поставщики, шли те же разговоры... Кроме того, Гуковский тут же лично производил размен валюты. Делалось это очень просто. Ящики его письменного стола были наполнены сваленными в беспорядочные кучи денежными знаками всевозможных валют: кроны, фунты, доллары, марки, царские рубли, советские деньги...»⁹

Среди реальных объектов-пространств следует выделить ресторан «Мон-Репо», который был «неофициальным продолжением Петроградской» (76), где, по словам Соломона, Гуковскому можно было лучше узнать своих поставщиков (Соломон. 334). По мнению эстонской охранный полиции, ресторан «Мон-Репо» был центром «международного шпионажа», где «всю ночь трещала и лопала жадная интернациональная саранча. Шкетъ великая. Комбинаторы» (70). Справедливости ради следует отметить, что в период описываемых в романе событий этот ресторан назывался

⁹ Соломон Г. Среди красных вождей. М., 1995. С. 246. Далее сноски на это издание даются в основном тексте в круглых скобках с указанием фамилии и страницы.

«Парк» и имел репутацию публичного дома, в котором можно было, кроме всего прочего, приобрести также контрабандные алкоголь и сигареты. Из-за такой своей славы ресторану приходилось не раз менять как свое название, так и местоположение¹⁰. Газеты утверждали, что это место было центром разведки Советской России в Таллине¹¹. В придачу к сомнительной репутации он имел как официального, так и неофициального владельца. Последним до середины 1922 г. был бывший офицер армии Юденича Р. В. Садовский¹², официально же ресторан был основан его женой А. Садовской, передавшей затем его их дочери Е. Садовской, после которой официальным владельцем ресторана стала некая Анна Апит, не засветившаяся в каких-либо политических акциях.

Все эти реальные пространства Чернявский наполнил различными героями, как реальными, так и вымышленными. Среди реальных персонажей следует, в первую очередь, выделить представителей советской торговой делегации во главе с Исидором Эммануиловичем Гуковским, которого эстонские журналисты после первой встречи с ним в один голос называли типичным дореволюционным интеллигентом с самой обыкновенной внешностью¹³.

¹⁰ Весной-летом 1919 г. этот ресторан назывался “Pavillon de la Plage” и находился в парке Кадриорг на ул. Поска (ранее Песочная) в двухэтажном доме № 38. Затем с авг. 1919 г. по нач. 1922 г. ресторан был открыт в том же месте под названием «Парк», однако в нач. 1920 г. после многочисленных жалоб жителей того района ресторан был перевезен ближе к пляжу и подальше от спокойных жителей на угол улиц Поска и Нарвская в дом № 68. В 1922 г. Садовский хотел превратить это заведение в ресторан высокого класса — с кабаре и разными залами. В период «перестройки» он получил и свое новое название — «Villa Mon Repos», которым и пользуется А. Чернявский в романе. Просуществовал ресторан (и казино), открытие которого описывается в «Семи дунах...», лишь до конца июля 1922 г. След. владельцем ресторана, открытого 1 янв. 1923 г. под назв. «Эспланада», стал Генрих Шифф, бывший владелец железнодорожного буфета в г. Валга.

¹¹ См., напр.: Kohvik-restoran “Park’I” ja “Mon-Repo’s” saladused. Uue kohvik-restorani avamine kavatsusel // Waba Maa. 1922. 6. dets. No 285. Lk. 3; “Mon-Repos” ja rahvusvaheline spionaash // Waba Maa. 1922. 7. dets. No 286. Lk. 4.

¹² В своем романе Чернявский пишет, что ресторан «был основан молодым полковником С.-3. Армии» (76).

¹³ См., напр.: Vene saatkonna esimehe Gukovski jutul // Waba Maa. 1920. 23. veebr. No 44. Lk. 1; Isidor Gukovski // Tallinna Teataja. 1920. 2. märts. No 49. Lk. 49.

Принадлежность Гуковского к интеллигенции не раз подчеркивается и Чернявским: то в его одежде — одет он в визитку или пальто «барского покроя», то во внешности и во всем его существе, что заставляет главного героя, бойца балаховичевских войск Василиска, притворяющегося английским инженером Джемсом Джефферсоном, говорить в присутствии этого интеллигентного человека на исключительно правильном, даже «преувеличенно школьно правильном» русском языке (131).

В романе Чернявский предлагает весьма аутентичный портрет Гуковского, повторяющийся во многих воспоминаниях его современников: «Он был рыжий. В очках. С остроуго седящей бородкой. <...> По облику и манерам типичный радикальный интеллигент» (52) Журналист эстонской газ. «Ваба маа» набрасывает почти такой же портрет торгпреда: «<...> он среднего роста, с седой французской бородой, интеллигентный мужчина, лет примерно так 45—50»¹⁴. Однако в этом интеллигентном человеке кроется и вторая сторона: «<...> он сладострастник, мот, обжора, полнейшее буржуазное разложение, растратчик — планетарный» (100), как характеризует Гуковского один из его романских сотрудников инженер Вейне¹⁵. Йоаким Пухк, эстонский торговый эксперт на тартуских мирных переговорах, в которых участвовал и Гуковский, описал его так: «<...> среднего роста, с редкой бородой, изрытым оспинами лицом, <...> на первый взгляд коммерсант средней руки <...> часто комичный, завоевавший много симпатий. На обедах привлекал внимание его обильный аппетит. Он расспрашивал о стоимости всех блюд, поданных на стол, и все ел и ел. Будто наполнял пустой мешок. Расстегивал пуговицы и не пощадил ни единого блюда»¹⁶. Кроме того, всем, кто встречался в то время с Гуковским, бросалась в глаза его хромота и любовь к женскому полу. Так, например, Г. А. Соломон вспоминал, что Гуковский «сам, нисколько не стесняясь, с некоторым цинизмом сообщал, что страдает сифилисом, прибавляя при этом с улыбоч-

¹⁴ Vene saatkonna esimehe Gukovski jutul // Waba Maa. 1920. 23. veebr. No 44. Lk. 1.

¹⁵ Прототипом Вейне был инженер Леонид Юлианович Анциц. Как в романе, так и в реальной жизни до революции он был инженером завода «Сименс и Шуккерт».

¹⁶ Puhk J. Minu mälestusi rahutegemisest // Kultuur ja Elu. http://kultuur.elu.ee/ke499_tarturahu.htm.

кой и легким смешком: „Не беспокойтесь, теперь это, хе-хе-хе, не заразно“. Болезнь эта внешне отразилась у него, между прочем, на ногах, которыми он с трудом переступал. Рыжеволосый, с густыми нависшими бровями, он носил рыжую с проседью бородку. Из-под бровей виднелись небольшие глаза, обрамленные гнойными, всегда воспаленно-красными веками» (Соломон. 238). Понятно, что данная «страстишка» получила развернутое отражение и в романе Чернявского. Чернявский же именует Гуковского то «бабским хромцом», то «бабским предом» и отмечает его глаза «под тяжелыми ячменными веками» и «нависшими мохнатыми бровями», вечно воспаленные, как у алкоголика (131).

Наряду с Гуковским одно из важнейших мест в романе занимает уполномоченный Центросоюза Тихон Саввич Рыкаткин (прототип — Владимир Иванович Рыкаткин). Известно, что почти сразу после своего прибытия в 1920 г. в Ревель он сошелся с местными монархистами, был связующим звеном между российским представительством и Северной боевой дружиной, во главе которой стоял присяжный поверенный Г. Г. Кромель. В качестве вступительного взноса в дружину перебежавший от красных к белым Рыкаткин¹⁷ дал этой организации на орграсходы 1 миллион эстонских марок¹⁸. Кроме того он был агентом эстонской охранной полиции, работал на англичан и т. д. Однако, несмотря на сотрудничество с разными местными органами, в 1921 г. Рыкаткин все же был выслан из Эстонии.

Рыкаткин фигурирует и в воспоминаниях Соломона, писавшего, что «это был грузный мужчина, говоривший сильно на “о”». Он не скрывал, что одновременно является информатором и английской разведки. Это был не особенно далекий человек и, судя по его манерам и выражениям, скорее напоминал какого-нибудь строительного десятника <...> всячески скрывая свою службу в нашей контрразведке, Р-н считал необходимым иметь легальное объяснение своим посещениям “Петербуржской гостиницы”, где постоянно толкались разного рода поставщики. Вот он и хотел для своего замаскирования перед нашими сотрудниками и перед английской контрразведкой считаться нашим поставщиком и время

¹⁷ О переходе Рыкаткина из Красной армии к белым, о его бывшей военной службе пишет также и Чернявский (231—234).

¹⁸ См.: ГАЭ. Ф. 957. Оп. 16. Ед.хр. 1907. Л. 6.

от времени заключать тот или иной договор на поставку тех или иных товаров, что и должно было считаться его вознаграждением вместо прямых платежей. Иначе-де он будет легко расшифрован» (Соломон. 341). Чернявский же называет Рыкаткина «вороватеньким» и «хитрым мужичком» (110, 170), нередко ехидно молчащим и «загадочно ухмыляющимся» в свою «раскольниковую бороду» (170). При необходимости он выражался как «ярославский мужичок, привыкший лукавством выкарабкиваться из всяких положений» (137, 173, 234—235).

Наряду с Гуковским и Рыкаткиным в романе Чернявского отображен целый ряд сотрудников Центросоюза, названных реальными именами: военный агент, артиллерист, бывший полковник Ардальон Александрович Бобрищев (в романе Ардальон Михайлович), курьер Иван Яковлевич Спиридонов (прототип — Иван Петрович Свириденков). Одно из важнейших мест в романе Чернявского занимает Ольга Лангер (в действительности — Эрлангер), первая фаворитка Гуковского, соответствующее ее романному статусу описание находим также у Соломона: «<...> молодая женщина, одетая в кричащий костюм, вся грубо раскрашенная» (Соломон. 244). Главными поставщиками товаров как в романе, так и в действительности были брат Ольги Лангер/Эрлангер — Адольф Биллин (в действительности Биллинг), а также ее муж — заведующий отделом закупок и секретарь Гуковского, мимо которого не проходила ни одна сделка, как писала газ. «Сегодня» еще в 1925 г.¹⁹ Помимо уже названных сотрудников торгделегации, персонажами романа стал и целый ряд других реально работавших в Ревеле в то время советских чиновников.

Описанные в романе события, связанные с советским представительством и его сотрудниками, отчасти представляют собой художественный вымысел, отчасти — искусное переплетение реальности с авторской фантазией. Источником основной идеи романа — кражи бриллиантов из сейфа спальни Гуковского — можно условно считать мемуары Соломона и ту конкретную в них ситуацию, когда некоторое время в его кабинете в «денежном нестораемом шкафу хранилось на миллион фунтов стерлингов бриллиантов» (Соломон. 334), которые какая-то «организация свободных со-

¹⁹ См.: *Вышгородский А.* Большевицкие «дельцы» в Ревеле // *Сегодня.* 1925. 8 окт. № 226. С. 5.

циалистов-революционеров» предлагала добровольно передать им. Получением письма с этим предложением дело не ограничилось: по словам Соломона, как-то после очередного похода в ресторан к нему зашел контрразведчик Калакуцкий и заявил, что местные «эсеры готовят на него покушение с целью отобрать у него какие-то драгоценности» (Соломон. 334—335), да и вообще они решили покончить с Соломоном. Вскоре в результате какого-то скандала Калакуцкому пришлось покинуть Ревель. Этот эпизодический герой мемуаров Соломона занимает такое же третье-степенное место и в романе Чернявского, охарактеризовавшего этого контрразведчика следующим образом: «Высокий. В щегольской смушковой папахе, лихо заломленной на узкой и длинной, жестких очертаний, голове. Спитое, серое, явно не русское лицо <...> Холодные пустые глаза угрожающе блеснули» (59). В романе Чернявский не «выслал» его из Ревеля, а «упрятал» в сумасшедший дом после учиненного в «Петроградской» скандала во время приема Гуковским «английских спецов». По данным Государственного архива Эстонии, С. Калакуцкий прибыл в Ревель в нояб. 1920 г. в прямое подчинение Г. Соломона и был главным кандидатом на пост коменданта «Петроградской». В 1921 г. в газ. «Сегодня» о Калакуцком было написано, что «это бывший русский морской офицер, долго служивший в Балтийском флоте, хорошо знающий Ревель и здешние русские крути. Здесь этот самый Калакуцкий неофициально занимается сыском, узнает адреса семей русских офицеров, которые сами находятся здесь, а семьи оставили в России, выслеживает деятельность более видных из здешних русских антибольшевиков, подкупает для этой цели слабовольных и впавших в нужду и все аккуратно доносит по начальству. Финал этой милой деятельности — новые аресты в России бедных жен, матерей и детей так называемых белогвардейцев»²⁰.

Среди эпизодов, навеянных реальной действительностью, но преобразенных творческой фантазией Чернявского, можно назвать, например, прибытие советской торгделегации в Ревель. Итак, как выше уже было отмечено, советская делегация прибыла в Ревель 21 февраля в 8 часов утра. У Чернявского это происходит ночью или же ранним утром. Реальную делегацию встречали

²⁰ <Б. п.> Литвинов в Ревеле // Сегодня. 1921. 6 марта. № 54. С. 3.

на железнодорожном вокзале начальник полиции Палицер, адъютант военного министра Вильденау и комендант вокзала. Согласно газетным сообщениям, в Нарве их встретили ген. Тыниссон и секретарь МИДа Томингас, который сопровождал их до Ревеля²¹. Позже в своих воспоминаниях В. Томингас сообщил: несмотря на то, что всякие дипломатические и консульские взаимоотношения между Эстонией и Россией должны были быть упорядочены в будущем в рамках дополнительных договоров, российскую делегацию местные власти все же встречали официально (хотя и не на уровне высших государственных чинов) — якобы для показухи, а на деле — из осторожности, ввиду возможной реакции союзных иностранных миссий.

«Делегацию Чернявского», напротив, никто не встречал, и в гостиницу советским представителям пришлось идти самим — и пешком: «<...> с Морской улицы, со стороны большого вокзала, вытабунилась вдруг совсем странная компания. Русская. Сначала я принял их за своих. За самых „дремучих из дремучих“ наших северо-западников. <...> Толпишка, неуверенно переваливаясь, остановилась у подъезда Петроградской. Их было человек 20—25» (50). Дойдя до гостиницы, данные персонажи обнаружили, что и тут их никто не ждет.

Подобное унижение автором романа советской делегации было явно преднамеренным, тем более что он делает виновниками подобного положения самих же советских функционеров: «Черт знает, что такое! Вечная неувязка у вас, товарищ Иохель. Вы должны были заранее сговориться с этими... турками. Ни автомобилей. Ни даже извозчиков. Ни помещения. Глупейшее положение. Что же мне, черт побери, официальный протест, что ли, заявить? Ноту тарабанить ради первого дня приезда? <...> Поймите, черт вас всех возьми, ведь это же вопрос престижа. По договору у нас нет даже права иметь политическое представительство, только торговое. На вокзале никакой от них встречи. Что скажет центр? А тут еще, поди, давно какой-нибудь тайный резидент от товарища Феликса сидит», — чертыхается Гуковский, которому вторит товарищ Иохель: «Ах, это же чистая же провокация. И кто же мог думать. Вы же подумайте только себе: в буржуазной стране... свободный

²¹ См.: Tallinna Teataja. 1920. 21. veebr. No 43. Lk. 1; Päevaleht. 1920. 21. veebr. No 43. Lk. 1.

спрос и предложение... И вдруг — тоже нет извозчиков. Мне сказали сегодня на вокзале. Только по особому заказу к ночным поездам выезжают. Мелкие буржуи, кулачье проклятое!» (52).

Однако в действительности унижения советской торговой делегации были куда более серьезными, нежели прогулка пешком с набитыми золотом и драгоценностями мешками от вокзала до гостиницы. На вокзале членов торговой делегации Советской России встретили шпалеры полицейских, направившие прибывших к восьми автомобилям, которые отвезли их вместе с вышеуказанными эстонскими чинами вместо гостиницы... в карантин, т. е. в кадриоргский купальный салон, где их всех раздели догола и отправили мыться — в то время как вся их одежда подверглась дезинфекции и была очищена от всевозможных источников заражения. Узнав, куда везут делегацию и что ей предстоит, вышеупомянутый Томингас связался с министром иностранных дел А. Бирком. Последний объяснил этот «банный прием» гостей тем, что в России, мол, широко распространен тиф и проч. заразные заболевания, и это его решение было принято исключительно в интересах «сохранения здоровья эстонцев от опасных вшей русских»²². В знак протеста Томингас решил разделить судьбу делегации. Соответственно, все случившееся в купальном салоне (т. е., попросту, в бане) он описывал не понаслышке. Так, он свидетельствовал, что это была «вовсе не баня, а какое-то недоразумение»²³: она была холодная и париться в ней было невозможно. Кроме того, по выходе из нее «высоким гостям» пришлось еще некоторое время мерзнуть в раздевалке в ожидании собственной одежды. По словам Томингаса, Гуковский был «злой как черт» (равно как и у Чернявского), однако сказал, что протестовать не будет — дабы русско-эстонские взаимоотношения не начинались с протестов.

Художественное отображение в романе получает и упомянутый в мемуарах Соломона факт: Москва требовала от Гуковского и Соломона отправки в Россию всего золота, находившегося в эстонском Государственном банке, ввиду готовившегося Балаховичем нападения на железнодорожные пути (Соломон. 261). В изложении Чернявского в гостинице «Петроградской» курсируют слухи, будто «Балахович повернул со своим отрядом вместо

²² *Tomingas W. Mälestused. Vaikiv ajastu Eestis. Tallinn, Olion. 1992. Lk. 216.*

²³ *Ibid. Lk. 217.*

Польши на Гдов. Он едет набегом на линию Ямбург — Нарва. Он собирается отрезать советскую делегацию в Эстонии. Он хочет овладеть ее сокровищами» (105). В результате Гуковский телеграфирует в Москву, чтобы выяснить обстановку, и получает ответную телеграмму, в которой Чичерин требует «эвакуировать „орехи“», т. е. бриллианты, из гостиницы в «банк Шель и Ко» (187—188). Вместо банка часть драгоценностей попадает в ревельское подземелье, часть все же в руки «балаховичей» — для последующего использования их в борьбе с коммунистами.

То, что договоры на поставку разных необходимых товаров России в период «гуковщины» заключались по принципу «кому нужно, тому дадено», было общеизвестным фактом. Кроме того, об этом писал и Г. А. Соломон. Один из случаев подобного рода ведения дел описан им на примере деяний некоего Ивана Ивановича Б-ва: «И он рассказал мне. И в этом рассказе было все: и как он сводил знакомство с братом жены Эрлангера (“дадено”), и как тот направил его к Эрлангеру для получения сведений, какие товары можно предложить (“дадено”), и как брат жены Эрлангера рекомендовал ему, чтобы угодить Гуковскому, поднести подарок жене Эрлангера (“дадено”), и поднесен ценный подарок, и как затем опять-таки, чтобы угодить Гуковскому, он устроил роскошное угощение ему и всем его близким (“дадено” и угощение на его счет, “шампанское лакали, ровно коровы пили из корыта”), и как, наконец, его представили самому Гуковскому (весьма “дадено”)...» (Соломон. 283). Относительно принципа заключения договоров Чернявский выбирает путь условного «кружкового» языка: если человек, желающий получить договор, говорит, что он «всегда и во **всем отношении**» готов к услугам (140), эта «формула» означает, что поставщик «согласен на взятку в сумме сорока процентов с цены поставки» (140).

Упоминаются в романе и многие реальные договоры, получившие в свое время огласку либо в воспоминаниях Соломона, либо в ходе судебных разбирательств, либо благодаря прессе. Напоминает Чернявский своим читателям и об аресте ген. Юденича в конце янв. 1920 г., о скором приезде Соломона с ревизией и мн. др.

В заключение следует отметить, что на основе а) реальных исторических событий самого напряженного, переполненного раз-

ного рода слухами времени; б) на основе мемуаров Г. А. Соломона, в) отталкиваясь от публикаций в прессе и слухов, ходивших по Ревелю, Чернявский создал интересное остросюжетное произведение с элементами исторического, а равно и оккультного романов (эта сторона «Семи лун блаженной Бригитты» осталась за рамками данной статьи).